

«Как жали рабочих, так и будут жать»: причины конфликтов на советских предприятиях в годы нэпа

Аннотация. Система трудовых отношений, сформировавшаяся в российской промышленности в период дореволюционной индустриализации, после 1917 г. претерпела серьезные изменения. Однако конфликты в их различных формах, вплоть до самых острых (забастовки), по-прежнему оставались значимым индикатором настроений рабочих, восприятия ими новых явлений в системе стимулирования труда, организации производственной деятельности и быта. Изучение причин конфликтов на промышленных предприятиях в годы нэпа (1922–1928) проводится на основе архивных и опубликованных источников. При этом приоритетное внимание уделяется проблемам взаимоотношений рабочих, с одной стороны, и представителей фабрично-заводской администрации, инженерно-технических работников, с другой. Негативное отношение рабочих к «спецам» и «красным директорам» могло выливаться в серьезные и длительные конфликты, завершившиеся избиениями и даже убийствами инженеров, мастеров, управляющих. Подобного рода «противостояние» препятствовало стабильной работе предприятий, приводя к простоям оборудования и потерям рабочих в заработной плате. Использование методов микроанализа позволяет детально исследовать причины недовольства рабочих и провести сравнение с аналогичными данными, характеризующими конфликты в дореволюционной российской промышленности.

Ключевые слова: нэп, трудовые конфликты, стачки, расценки, заработная плата, «спецы», инженерно-технические работники, «красные директора», профсоюзы, фабзавкомы.

Abstract. The system of labour relations in the Russian industry which took shape during the period of the pre-Revolution industrialisation was subjected to drastic changes after 1917. However, conflicts in their diverse forms, including their most acute manifestations (strikes), continued to be a significant indicator of the workers' mood, of their perception of the new developments in the system of stimulating labour and organising production activity and daily life. The examination of the causes of conflict in industrial enterprises during the years of the New Economic Policy (1922–1928) is conducted on the basis of archival and published documents. Attention is predominantly focused on the question of the relationship between workers, on the one hand, and representatives of factory-plant administration and engineer-technical workers, on the other hand. The negative attitude of the workers towards "specialists" and "red directors" could result in serious and prolonged conflicts ending with assaults and even assassinations of engineers, masters, and managers. This kind of "opposition" stood in the way of the enterprises' stable production, leading to equipment failures and losses in employee salaries. The use of microanalysis methods has allowed to investigate in detail the reasons for the workers' discontent and to conduct a comparison of it with analogous data indicative of conflicts in the pre-Revolution Russian industry.

Key words: New Economic Policy, labour conflicts, strikes, costs, wages, "specialists", engineering-technical workers, "red directors", trade unions, factory councils.

Сложившаяся в дореволюционной российской промышленности система трудовых отношений претерпела достаточные серьезные изменения в годы «военного коммунизма» и нэпа. При этом проблема разрешения и предупреждения трудовых конфликтов,

являвшихся частью протестного движения рабочих, после провозглашения «диктатуры пролетариата» не стала менее актуальной.

В отличие от периода с конца XIX в. до 1917 г., в рамках которого протестное движение рабочих изучалось в советской историографии

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ «Трудовые конфликты в промышленности Советской России (1918–1929 гг.): создание базы данных и статистический анализ протестного движения рабочих в годы "военного коммунизма" и нэпа», проект № 15-06-09174.

достаточно активно, проблема рабочих выступлений после 1917 г. в исторических трудах и документальных публикациях советского времени была представлена очень слабо, а специальных работ по этой тематике вплоть до конца 1990-х гг. вообще не было создано. В постсоветский период интерес к рассматриваемой теме стал расширяться, а исследователи получили возможность реализовывать его, поскольку открылся доступ к ранее закрытым архивным фондам. Появились отдельные специальные работы по этой тематике, среди которых прежде всего следует отметить сборник коллектива авторов «Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг.», включающий в себя обзоры периодической печати, а также фондов центральных и местных архивов, содержащих информацию по рассматриваемой теме [1]. Среди публикаций, вышедших в свет в 2000-х гг., следует отметить монографию Л. В. Борисовой «Трудовые отношения в Советской России (1918–1924 гг.)», в которой помимо других вопросов рассматриваются причины, формы, механизмы разрешения трудовых конфликтов на государственных и частных предприятиях в первые шесть лет советской власти [2]. Также обращают на себя внимание две работы Д. О. Чуракова [3; 4]. Основанные на широком архивном материале и газетных статьях, они дают общую картину протестного движения рабочих, уделяя, однако, приоритетное внимание его политической составляющей и коллективным формам выступлений. Тем не менее даже не вызывавшие широкого общественного резонанса конфликты на отдельно взятых предприятиях серьезно влияли как на атмосферу внутри рабочего коллектива, так и на производственные показатели. Рассмотрение причин этих конфликтов в период нэпа (1922–1928 гг.) с акцентом на проблемы взаимоотношений между рабочими, с одной стороны, и представителями администрации предприятий и инженерно-техническими работниками (ИТР) – с другой, и является основной задачей нашего исследования. Вышедшие ранее публикации, характеризующие различные формы протестных выступлений рабочих в российской промышленности в конце XIX – начале XX вв. [5; 6], позволят провести сравнительный анализ причин недовольства рабочих действиями представителей фабрично-заводской администрации и «спецов» на этапе дореволюционной индустриализации и в годы новой экономической политики.

Источниковую базу исследования составили прежде всего материалы архивных фондов

отраслевых профсоюзов, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. Они содержат различные типы документов, характеризующих трудовые конфликты на промышленных предприятиях в 1920-х гг.: бланки (или их копии) учета конфликтов, месячные и годовые сводки данных о конфликтах на региональном и отраслевом уровнях, протоколы заседаний и переписка конфликтных комиссий, профсоюзных, партийных и хозяйственных органов по разбору конфликтов. Крайне информативным источником для рассматриваемой темы стало многотомное издание «“Совершенно секретно”: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)», вышедшее в свет в первой половине 2000-х гг. В нем опубликованы информационные обзоры и сводки ОГПУ, которые содержат зачастую достаточно детальное описание конфликтных ситуаций и протестных выступлений рабочих на промышленных предприятиях.

Исследования последних лет на обширном архивном материале показали, что основные причины конфликтов на дореволюционных российских предприятиях лежали в сферах оплаты труда, обеспечения жильем и продовольствием, взаимоотношений рабочих с представителями фабрично-заводской администрации. Причем в последнем случае конфликт мог быть спровоцирован и недовольством рабочих в связи с другими производственными и бытовыми проблемами. В 1920-х гг., несмотря на смену власти и неоднократные изменения экономической политики, приоритеты и причины недовольства рабочих принципиально не изменились, а проблема их взаимоотношений с администрацией предприятий и инженерно-техническими специалистами не смягчилась. Но если в конце XIX – начале XX вв. это «противостояние» может быть объяснено «классовым антагонизмом», когда управляющие и другие служащие, инженеры, мастера, не говоря уже о владельцах предприятий, чаще всего воспринимались как враждебные рабочим элементы, что в немалой степени подогревалось агитационно-пропагандистской деятельностью революционных организаций, то в 1920-х гг. ситуация должна была измениться. Ведь большинство предприятий стало государственными, а государство позиционировало себя защитником рабочих интересов. Существенно обновился директорский корпус, пополнившись выходцами из рабочей среды. Тем не менее недовольство рабочих деятельностью администрации и ИТР по-прежнему при-

водило к конфликтным ситуациям, которые нередко приобретали весьма агрессивную форму. Дело доходило не только до рукоприкладства, но иногда и до нанесения тяжелых травм и даже убийств.

Нападения рабочих на представителей управления и технических специалистов происходили как на фабричной территории, так и за ее пределами, но практически всегда были связаны с профессиональной деятельностью пострадавших и их попытками исполнять свои прямые должностные обязанности. Масштабы проблемы становятся понятными при рассмотрении ситуации на конкретных предприятиях. Так, только на одной Наро-Фоминской фабрике (Московская губ.) в течение 1926 г. произошло несколько случаев насилия по отношению к специалистам и представителям управленческого аппарата. Смазывальщик Городничев пытался зарезать инженера Н. Н. Серикова за то, что последний отказался «предоставить ему место подмастерья». Шлихтовальщик Трошин чуть не задушил члена фабричной администрации И. В. Канунникова за отказ предоставить отпуск. Рабочий Сергеев избил конторщика механической мастерской. Столь агрессивно вели себя не только мужчины, но и женщины. Работница фабрики Жукова избила подмастерья Сысоева. Главный механик этой фабрики инженер Грибков вынужден был уволиться из-за постоянных угроз и «невозможных условий работы» [7, л. 27об.].

Описанная выше ситуация не являлась чем-то исключительным. Подобные события в тот же период происходили и на других предприятиях в разных отраслях и регионах. Уволенный с Егорьевской красильно-аппретурной фабрики «Победа пролетариата» (Московская губ.) рабочий «разбил голову одному из инженеров». Рабочий Павловопосадской фабрики (Московская губ.) «расшиб голову молотком» ткацкому мастеру И. Д. Лудкову. Причем нападавший по суду получил лишь условное наказание и даже был вновь принят на работу на ту же фабрику [7, л. 27об.]. Удивительно, но безнаказанность рабочих в таких ситуациях становилась обычным делом. Так, слесарь Старопосадской фабрики (Московская губ.) после избия ткацкого мастера также продолжал работать на прежнем месте. На Глуховской фабрике рабочего, напавшего на инженера Антонова, приняли обратно на работу без какого-либо взыскания [7, л. 27об.].

Показательно, что рабочие в большинстве своем, как правило, поддерживали тех, кто со-

вершал подобные действия. В апреле 1924 г. рабочий Красногвардейского рудника в Донбассе убил инженера. При этом большинство рабочих рудника одобрили это преступление. Более того, многие говорили о том, что подобной участи заслуживают и еще некоторые «спецы» [8, 75]. 9 октября 1926 г. на фабрике «Заря социализма» (Ярославская губ.) рабочий Хохлов, переведенный на другую работу по инициативе помощника ткацкого мастера Бернштейна, нанес последнему десять «колотых и резаных ран». При этом ранее этот рабочий не имел дисциплинарных взысканий и не злоупотреблял спиртным. Когда через четыре дня Хохлова увозили в Ярославль (этот вопиющий случай все же привел к возбуждению уголовного дела), большая толпа рабочих «провожала его и, махая платками, кричала: “До свидания, товарищ Хохлов!”» [7, л. 31].

Участившиеся случаи агрессивных действий рабочих по отношению к членам администрации и спецам в середине 1920-х гг. стали вызывать беспокойство профсоюзных органов. Члены московского губернского отдела профсоюза текстильщиков в докладной записке президиуму губотдела от 13 октября 1926 г. обращали внимание на то, что случаи применения насилия по отношению к инженерно-техническим специалистам «начинают принимать систематический и массовый характер». Правда, прежде всего профсоюзных работников волновало то, что после таких случаев ИТР крайне неохотно включались в инициированные властью кампании по повышению производительности труда, переходу на уплотненную работу и на режим экономии, объясняя это опасениями за свою жизнь и здоровье. В связи с этим члены губбюро полагали, что инженерно-технические работники нуждались в большей защите со стороны профсоюзных органов, и предлагали принять «самые срочные меры к устранению подобного рода явлений»: 1) фабкомам провести разъяснительную работу среди рабочих о недопустимости грубого отношения по отношению к ИТР; 2) освещать и осуждать все подобные случаи в печати; 3) тщательно расследовать все случаи грубого обращения и агрессивного поведения по отношению к ИТР и администрации и ужесточить судебную ответственность за нападения на них [7, л. 27]. Однако принятие и попытки реализации подобных решений не приводили к серьезным изменениям сложившейся практики в последующие годы. 2 марта 1928 г. более 100 рабочих ткацкого цеха фабрики «Красный маяк» (Иваново-Вознесен-

ская губ.) объявили забастовку, требуя вернуть на предприятие ткача Гречина. Последний был удален с фабрики милицией за попытку ударить гирей помощника мастера «в ответ на замечание о браке товара». В результате уже на следующий день Гречин был возвращен на прежнее место работы [9, л. 100]. Получалось, что пострадавшие вынуждены были продолжать работать на одном предприятии с «обидчиками», вполне обоснованно опасаясь за свое здоровье и даже жизнь, либо искать себе другое место работы.

Каковы же были основные причины столь остро недовольства рабочих, проявлявшегося в предельно агрессивных формах? Безусловно, каждый из нападавших на представителей администрации и спецов руководствовался собственными обидами и причинами, представлявшимися ему достаточно обоснованными для подобных ответных действий. Но рассматривая картину по стране в целом, мы можем выявить наиболее часто упоминаемые в источниках причины недовольства рабочих.

Часто рабочие возмущались тем, что в условиях проводимой в годы нэпа кампании за экономию средств штаты администрации и инженерно-технических специалистов не просто оставались прежними, а даже увеличивались. В 1924 г. в ткацком отделе 1-й Республиканской фабрики (Костромская губ.) работало 1647 рабочих и 33 служащих. В 1925 г. количество рабочих уменьшилось до 1610 человек, а количество служащих увеличилось до 43 [10, 141]. Причем штаты «администрации и канцелярии» на многих предприятиях значительно превышали «штаты дореволюционного периода (иногда на 200–300%)» [8, 317]. В феврале 1925 г. на Ликинской прядильно-ткацкой фабрике (Московская губ.) числились 2500 рабочих. Если «в довоенное время на фабрике были: 1 механик, 1 помощник, 1 чертежник на две фабрики», то «теперь – 1 механик, 4 помощника, 2 техника и 3 чертежника». В ткацком отделе раньше был 1 заведующий, а теперь 5 (по одному на каждом этаже) [10, 140]. Подобная ситуация отмечалась и на других предприятиях Московской, Ленинградской, Костромской, Подольской, Одесской и других губерний [10, 140–141]. Показательно, что рабочие обращали внимание на некомпетентность таких «специалистов», говоря, что «они мало понимают в своем деле» [8, 283]. Попытки расширить штат служащих могли приводить и к забастовкам, а не просто словесному выражению недовольства ситуацией. Так, на Любохонском

чугунолитейном заводе (Брянская губ.) 16 июня 1925 г. началась забастовка, «вызванная намерением правления увеличить штат администрации (придачей помощников для каждого заведующего)». Решением общего собрания рабочих постановление правления об увеличении штата администрации было отменено, после чего работы возобновились [10, 380].

Ситуация усугублялась тем, что рост численности административного аппарата происходил параллельно с увеличением зарплаты этих работников, назначением специальных окладов, процентных надбавок. Так, в 1923 г. рабочие завода «Соломит» (Петроградская губ.) и Витебского кожевенного завода были возмущены тем, что администрация получала 25–50% «прибавки к жалованию», тогда как рабочие в период остановки предприятия отказывались от своего заработка, чтобы пустить завод [11, 956].

Всплеск негативного отношения рабочих к спецам наблюдался после выхода постановления ЦК РКП(б) «О работе специалистов» от 18 сентября 1925 г., в соответствии с которым намечалось улучшить жилищные условия спецов, ввести для них новую премиальную систему, предоставить налоговые льготы. Горняки Донбасса негодовали по поводу данного постановления, говоря: «Еще не улучшено положение рабочих, а уже спецам все суют». Рабочие Анжерских копей (Томская губ.) возмущались: «Раньше спецы сидели на шее, так и сейчас сидят» [12, 502–503].

В целом рабочие неоднократно подчеркивали, что с приходом советской власти их положение несколько не улучшилось по сравнению с дореволюционным периодом, поскольку тогда их эксплуатировали хозяева, а теперь «красные директора» и спецы. Иваново-вознесенские текстильщики говорили, что «фабрично-заводской режим теперь ничем не отличается от царского» [4, 254]. В рабочей среде шли разговоры о «зарождении новой буржуазии» в лице хозяйственников. Так, рабочие Самоварной фабрики Патронзавода (бывшая фабрика Баташева в Туле) называли директора «старый Баташев», а рабочие Вышневолоцкой мануфактуры (Тверская губ.) – «второй Рябушинский» [13, 29]. Такие настроения, помимо высокомерного отношения «красных директоров» к рабочим, подогревались и учащавшимися случаями расходования ими казенных средств на личные нужды. В 1923 г. директор Мотовилихинского завода (Пермь) отремонтировал за счет предприятия собственную квартиру, истратив на это 2600 руб. золотом. По-

добные явления наблюдались также на заводах «Красный выборжец» (Ленинград) и «Красное Сормово» (Нижний Новгород), Красносельском сахарном заводе (Подольская губ.), Юго-Камском заводе (Уральская область) и других предприятиях, расположенных в различных промышленных регионах страны [8, 25]. Нередко рабочие указывали на то, что средства предприятий тратятся на оборудование кабинетов членов администрации, покупку автомобилей и других «предметов роскоши» [13, 96]. На фоне проводившейся кампании увеличения норм выработки и снижения расценок, приводившей к уменьшению заработков рабочих, такое поведение управленцев не могло восприниматься спокойно. На предприятиях Пензенской губернии рабочие обвиняли представителей администрации предприятий в том, что они «чужими руками жар загребают»: «Мы работаем как волю и сидим без хлеба, а начальство этим пользуется, так как за большую выработку получает премию» [12, 608].

Интересно, что на фоне подобных настроений в ходе ряда конфликтов, участниками которых были преимущественно низкоквалифицированные рабочие, высказывалась мысль о том, что руководство наверху не ведает о тех несправедливостях, которые по отношению к рабочим допускает административно-технический персонал предприятий. Поэтому для изменения ситуации предлагалось довести до вышестоящих партийно-хозяйственных органов достоверную информацию о сложном материальном положении рабочих, особенно на фоне «живущих на широкую ногу» управленцев и спецов. Это напоминает ту самую «веру в доброго царя», которая была присуща значительной части многомиллионного российского крестьянства в дореволюционной России.

Следует отметить, что в своих претензиях к администрации рабочие зачастую не только отстаивали личные материальные интересы, но и обращали внимание на недостатки в организации работы предприятия в целом. Часто руководство предприятия упрекалось в «бесхозяйственности». Рабочие очень остро реагировали на ситуации, когда материалы и оборудование, а также готовые изделия длительное время оставались брошенными под открытым небом, постепенно приходя в негодность. В то же время производство простаивало из-за нехватки сырья и топлива, а также вследствие поломки станков. Так, в 1925 г. рабочие Московского деревообделочного завода предлагали «гнать директора в

шею», поскольку на заводском дворе валялись «готовые ящики на сумму 130 000 руб.» [10, 254].

Случаи конфликтов и проявления агрессии по отношению к ИТР и к фабричной администрации учащались с началом очередной кампании, инициированной сверху. Например, начавшаяся в 1924 г. кампания по поднятию производительности труда, повлекшая за собой повышение норм выработки и понижение расценок, тяжело проходила на предприятиях текстильной отрасли, поскольку это потребовало перехода на новый метод работы: вместо обслуживания двух станков рабочего переводили на три или четыре станка. В результате многие текстильщики не могли в новых условиях выработать и получить прежний размер заработной платы. Это привело к всплеску агрессивных проявлений по отношению к представителям администрации и ИТР, проводившим эту кампанию на практике, хотя те, по сути, выступали в роли гонцов, принесших плохую весть и нередко понимавших непродуманность проводимых в жизнь решений. В то же время представители администрации, встречая сопротивление рабочих, нередко вели себя грубо, оскорбляли рабочих, что провоцировало начало серьезного конфликта. На Трехгорной мануфактуре в январе 1925 г. 150 рабочих прядильного отдела «накинулись» и попытались избить директора фабрики и председателя фабричного комитета [9, 51]. 6 мая 1925 г. более 4 тыс. рабочих Тейковской фабрики (Иваново-Вознесенская губ.) объявили забастовку в связи с нежеланием перехода на 3 и 4 станка и грубостью директора, который заставлял их подчиниться распоряжению. Работы возобновились только через три дня, когда было принято решение о смещении с должностей директора фабрики и председателя фабричного комитета [14, л. 27].

Действительно, источники нередко в качестве одной из причин недовольства рабочих называют грубость административного и технического персонала. Однако практически всегда вкупе с этой претензией рабочие выдвигали и другие. Грубость и невежливое обращение чаще выступали в качестве «последней капли», «спускового крючка» конфликта, а не его основной причины, но в то же время именно грубость и оскорбительные высказывания зачастую провоцировали рабочих на агрессивные формы выражения недовольства.

Несмотря на попытки властей пресечь практику нападений на руководителей предприятий и спецов, сделать это не удалось вплоть до окон-

чания нэпа. В письме ЦК ВКП(б) от 21 февраля 1929 г. о поднятии трудовой дисциплины говорилось следующее: «ЦК обращает внимание на необходимость решительной борьбы со всеми случаями хулиганства и насилия со стороны отдельных рабочих по отношению к инженерно-техническому персоналу. Все дела о такого рода хулиганских выходках со стороны рабочих по отношению к инженерно-техническому персоналу должны обязательно передаваться в суд для решительного наказания виновников» [15, 613].

Подводя итоги, отметим, что всестороннее изучение конфликтов на промышленных предприятиях в 1920-х гг. только начинается. Тем не менее первые выводы можно сделать уже сейчас. Можно было бы предположить, что с формированием корпуса «красных директоров» и ИТР из вчерашних рабочих конфликты между рабочими и административно-техническим персоналом станут менее частыми, не столь остры-

ми. Однако этого не случилось, рабочий протест не стихал. До революции нападения на представителей администрации и технического персонала происходили преимущественно во время забастовок, сопровождавшихся столкновениями рабочих с полицией, войсками, погромами фабричных корпусов и лавок. В 1920-х гг. такие действия часто совершались рабочими-одиночками в, казалось бы, спокойной ситуации, когда на предприятиях не происходили какие-либо открытые конфликты. Это говорит о том, что градус недовольства в целом был довольно высок даже в те периоды, когда рабочие не участвовали в коллективных акциях протеста, забастовках. Причины недовольства рабочих представителями администрации и ИТР, наблюдавшиеся в конце XIX – начале XX вв., не потеряли своей актуальности и в 1920-х гг. Однако появлялись и новые мотивы, связанные с изменением социально-политической ситуации.

Библиография:

1. Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. / Отв. ред. Ю. И. Кирьянов, В. Розенберг, А. Н. Сахаров. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 360 с.
2. Борисова Л. В. Трудовые конфликты в Советской России (1918–1924 гг.). М.: Собрание, 2006. 288 с.
3. Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
4. Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М.: Вече, 2007. 352 с.
5. Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. / Отв. ред. И. М. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2011. 476 с.
6. Шильникова И. В. Трудовые конфликты в промышленности дореволюционной России: от статистики к микроанализу. М.: МАКС Пресс, 2014. 252 с.
7. Протоколы, переписка, заявления с приложением материалов о конфликтах в связи с ненормальными взаимоотношениями технического персонала и рабочих, о случаях неправильного увольнения, дисциплинарного суда // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5457. Оп. 10. Д. 318.
8. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении дел в стране (1922–1934 гг.). Т. 2. 1924. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2001. 512 с.
9. Докладные записки, протоколы, материалы, списки и статистические бланки о конфликтах на предприятиях текстильной промышленности, связанных с самовольным прекращением работы и предъявлением требований рабочими // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5457. Оп. 12. Д. 122.
10. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении дел в стране (1922–1934 гг.). Т. 3. Ч. 1. 1925. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2002. 496 с.
11. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении дел в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 2. 1923. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2001. С. 491–1105.
12. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении дел в стране (1922–1934 гг.). Т. 3. Ч. 2. 1925. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2002. С. 497–968.
13. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении дел в стране (1922–1934 гг.). Т. 4. Ч. 1. 1926. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2001. 705 с.
14. Статистические сведения о забастовках, происшедших на текстильных фабриках // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5457. Оп. 9. Д. 288.
15. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении дел в стране (1922 – 1934 гг.). Т. 7. 1929. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2004. 768 с.

References (transliterated):

1. Trudovye konflikty v Sovetskoi Rossii 1918–1929 gg. / Отв. ред. Ю. И. Kir'yanov, V. Rozenberg, A. N. Sakharov. M.: Editorial URSS, 1998. 360 s.
2. Borisova L. V. Trudovye konflikty v Sovetskoi Rossii (1918–1924 gg.). M.: Sobranie, 2006. 288 s.
3. Churakov D. O. Revoljutsiya, gosudarstvo, rabochii protest: formy, dinamika i priroda massovykh vystuplenii rabochikh v Sovetskoi Rossii. 1917–1918 gody. M.: ROSSPEN, 2004. 368 s.

4. Churakov D. O. Buntuyushchie proletarii: rabochii protest v Sovetskoi Rossii (1917–1930-e gg.). M.: Veche, 2007. 352 s.
5. Trudovye konflikty i rabochee dvizhenie v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. / Otv. red. I. M. Pushkareva. SPb.: Aleteiya, 2011. 476 s.
6. Shil'nikova I. V. Trudovye konflikty v promyshlennosti dorevolutsionnoi Rossii: ot statistiki k mikroanalizu. M.: MAKS Press, 2014. 252 s.
7. Protokoly, perepiska, zayavleniya s prilozheniem materialov o konfliktakh v svyazi s nenormal'nymi vzaimootnosheniyami tekhnicheskogo personala i rabochikh, o sluchayakh nepravil'nogo uvol'neniya, distsiplinarnogo suda // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 5457. Op. 10. D. 318.
8. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii del v strane (1922–1934 gg.). T. 2. 1924. M.: Izdatel'skii tsentr Instituta rossiiskoi istorii RAN, 2001. 512 s.
9. Dokladnye zapiski, protokoly, materialy, spiski i statisticheskie blanki o konfliktakh na predpriyatiyakh tekstil'noi promyshlennosti, svyazannykh s samovol'nym prekrashcheniem raboty i pred'yavleniem trebovaniy rabochimi // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 5457. Op. 12. D. 122.
10. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii del v strane (1922–1934 gg.). T. 3. Ch. 1. 1925. M.: Izdatel'skii tsentr Instituta rossiiskoi istorii RAN, 2002. 496 s.
11. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii del v strane (1922–1934 gg.). T. 1. Ch. 2. 1923. M.: Izdatel'skii tsentr Instituta rossiiskoi istorii RAN, 2001. S. 491–1105.
12. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii del v strane (1922–1934 gg.). T. 3. Ch. 2. 1925. M.: Izdatel'skii tsentr Instituta rossiiskoi istorii RAN, 2002. S. 497–968.
13. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii del v strane (1922–1934 gg.). T. 4. Ch. 1. 1926. M.: Izdatel'skii tsentr Instituta rossiiskoi istorii RAN, 2001. 705 s.
14. Statisticheskie svedeniya o zabastovkakh, proissledshikh na tekstil'nykh fabrikakh // Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. 5457. Op. 9. D. 288.
15. «Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii del v strane (1922 – 1934 gg.). T. 7. 1929. M.: Izdatel'skii tsentr Instituta rossiiskoi istorii RAN, 2004. 768 s.